

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт/факультет/филиал Филологический факультет
(полное наименование института/факультета/филиала)

Выпускающая(ие) кафедра(ы) Кафедра мировой литературы и методики её преподавания
(полное наименование кафедры)

Третьяков Константин Валерьевич
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: Репрезентация деревни в прозе Б. Екимова и Р. Сенчина: система персонажей и конфликты в романе «Елтышевы» и повести «Осень в Задонье» (материалы для учебной и научно-исследовательской деятельности учащихся старшей школы)

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы: Литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. Кафедрой, доцент, к.ф.н. Давыдова С.Г.
(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

_____ (дата, подпись)

Руководитель
к.ф.н., старший преподаватель кафедры мировой литературы и методики её преподавания Гербенко А.Ю.
(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

Дата защиты: 23.06.2017

Обучающийся Третьяков К.В.
(фамилия, инициалы)
(дата, подпись)

Оценка _____ (подпись)

Красноярск
2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. «Деревенская проза» 1960–1980-х и современная литература о деревне	7
1.1. Традиционная «деревенская проза».....	7
1.2. Современная проза о деревне.....	13
Глава 2. Анализ повести Б. Екимова «Осень в Задонье»	17
2.1. Система персонажей повести «Осень в Задонье».....	17
2.2. Основные конфликты повести «Осень в Задонье».....	22
Глава 3. Роман «Елтышевы»: персонажная система и ключевые конфликты	26
3.1. Система персонажей в романе «Елтышевы».....	26
3.2. Основные конфликты романа «Елтышевы».....	33
Глава 4. Произведения Б. Екимова и Р. Сенчина: между апологией и полемикой с «деревенской прозой»	40
4.1. «Осень в Задонье» в перспективе «деревенской прозы».....	40
4.2. Роман «Елтышевы» и «деревенская проза».....	45
Заключение	48
Список использованной литературы	50

Введение

В отечественной традиции литература о деревне – это прежде всего «деревенская проза» – направление в русской советской литературе, связанное с обращением к традиционным ценностям в изображении современной деревенской жизни. Принципиальная новизна этого течения состояла в том, что в качестве идеала «деревенщики» представляли не человека, чьи устремления были основаны на социалистической доктрине и направлены исключительно на нужды общества, как это было в соцреализме, а людей из народа, чьи нравственные ценности выращены на почве житейского опыта, труда на земле и тесного контакта с природой.

Отдельные произведения, критически осмысляющие колхозный опыт, начали появляться уже с начала 1950-х. К середине 1960-х «деревенская проза» достигает высокого уровня художественности, и оформляется в особое направление. Тогда же возникает и сам термин. Крупнейшими представителями, «патриархами» направления считаются Ф. А. Абрамов, В. И. Белов, В. Г. Распутин, В. П. Астафьев и др.

«Деревенская проза» дала картину жизни русского крестьянства в XX веке, отразив главные события, повлиявшие на его судьбу: Октябрьский переворот и гражданскую войну, коллективизацию и голод, колхозное строительство и индустриализацию, военные и послевоенные лишения, всевозможные эксперименты над сельским хозяйством и его нынешнюю деградацию. Она создала ряд типов «простых людей». «Деревенской прозе» посвящены многочисленные работы, в которых это литературное направление рассматривается с прямо противоположных позиций¹.

В последние годы в литературоведении все чаще говорят о «конце» «деревенской прозы», об исчерпанности ее художественных идей, о

¹ Подробнее об основаниях, из которых исходят исследователи «неопочвеннической литературы», см.: [Разувалова 2015: 8–17, 34–38].

консервативности и даже «реакционности» некоторых ее представителей [Славникова 2004; Быков 2013].

В статье И. Ивановой «Деревенская проза в современной отечественной литературе: Конец мифа или перезагрузка?» [Иванова 2013] читаем: «А вот с тем, что «деревенской прозы» в России сегодня практически нет», согласиться трудно. Это справедливо, только если считать таковой лишь прозу Шукшина, Распутина или Белова.

«Деревенская проза» существовала и изменялась в соответствии с вызовами времени на протяжении более чем 30 лет. Однако постепенно в ней начали накапливаться тупиковые тенденции и приметы «усталости». Ближе к середине 80 стало очевидно несовершенство системы ориентиров определенной кругом простых законов нравственности, лежащей в основе «деревенской прозы» и само течение постепенно сошло на «нет» [Лейдерман Н. Липовецкий М. 2003: 81]. Последним «гвоздем в крышку гроба» «деревенской прозы» стал распад СССР, с проектами которого активно полемизировали «деревенщики».

Неблагоприятный прогноз относительно судьбе направления давал в свое время и В.П. Астафьев: «Мы отпели последний плач – человек пятнадцать нашлось плакальщиков о бывшей деревне. Мы и воспевали её одновременно. Как говорится, восплакали хорошо, на достойном уровне, достойном нашей истории, нашей деревни, нашего крестьянства. Но это кончилось. Сейчас идут только жалкие подражания книгам, которые были созданы 20- 30 лет назад. Подражают те наивные люди, которые пишут про уже угасшую деревню. Литература теперь должна пробиваться через асфальт» [цит. по: Кувалдин].

Возникает вопрос: почему же сегодня, спустя три десятилетия после того, как «деревенская проза» перестала быть одним из ключевых направлений литературного процесса, некоторые авторы продолжают

обращаться к материалу деревни, отчетливо соотнося написанное именно с мировоззренческим и эстетическим опытом «неопочвенников»?

«Деревенская проза» ушла с большой литературной сцены, однако она не стала только фактом истории литературы. Так, критик Павел Басинский видит следы «деревенской прозы» в современной словесности – в произведениях Захара Прилепина, Романа Сенчина, Михаила Тарковского и Алексея Варламова [Басинский П.].

В центре внимания данной работы находятся два ныне живущих автора, которых разделяет большая поколенческая дистанция (Борис Екимов родился в 1938 г., а Роман Сенчин – в 1971). Но творчество обоих точно иллюстрирует приведенные рассуждения Астафьева. Они действительно пишут об «угасающей» деревне, однако их взгляды на эту деревню и ее будущее имеют принципиальные различия и частично полемизируют как с точкой зрения, артикулированной Астафьевым, так и между собой.

Для анализа нами взяты роман Романа Сенчина «Елтышевы» и повесть Екимова «Осень в Задонье». Эти два произведения выбраны для сравнения не случайно. Во-первых, к их сопоставлению подталкивают схожие сюжеты: в обоих текстах речь идет о семье как о ячейке общества и одной из ключевых жизненных ценностей; и в том, и в другом произведении семья переживает кризис, в результате которого вынуждена переехать на постоянное место жительства в деревню. Однако в отношении того, что ждет современного человека в современной деревне, эти авторы расходятся принципиально.

У Сенчина мы наблюдаем распад, гниение, разложение, кромешный мрак и никакого «света в конце тоннеля». У Екимова, напротив, – надежду на светлое будущее, возможность настоящей трудовой деревенской жизни.

Анализ указанных произведений позволит проследить один из вариантов модификаций и трансформаций «деревенской прозы», специфики работы авторов, открыто обозначающих зависимость от этого направления;

иными словами – разобраться в том, что произошло с «деревенской прозой», исчезла она или эволюционировала во что-то новое.

Недостаточная изученность интересующих нас аспектов прозы Р. Сенчина и Б. Екимова определяет **актуальность** работы. **Научная новизна** исследования состоит в анализе важнейших аспектов поэтики современных прозаиков (апеллирующих к реалистической традиции письма), отражающей процессы формирования нового общества, трансформации традиций и обычаев в сравнении с традиционной «деревенской прозой».

Теоретико-методологический фундамент дипломного исследования составляют исследования, посвященные «деревенской прозе» (А. Разувалова, Н. Ковтун, Г. Цветов) и в целом отечественной литературе второй половины XX в. (Н. Лейдерман, М. Липовецкий), а также критические и литературоведческие работы о творчестве Б. Екимова (В. Бараков, И. Великанова, Н. Ковтун) и Р. Сенчина (Л. Данилкин, М. Кучерская, Д. Маркова).

Объект исследования – особенности изображения современной деревни в творчестве Б. Екимова и Р. Сенчина.

Предметом исследования являются системы персонажей в произведениях Б. Екимова и Р. Сенчина; центральные конфликты этих произведений; их сходства и различия с образцами «неопочвеннической» литературы.

Целью работы является комплексное изучение персонажных систем и сюжетообразующих конфликтов в повести Екимова «Осень в Задонье» и романе Сенчина «Елтышевы» в перспективе продолжения традиций «деревенской прозы» и/или полемики с этим направлением.

Поставленная цель определяет следующие **задачи**.

1. Проанализировать персонажную систему и виды конфликтов повести Бориса Екимова «Осень в Задонье».

2. Исследовать систему персонажей и ключевые конфликты романа «Елтышевы», написанного Романом Сенчиным.

3. Рассмотреть означенные особенности поэтики произведений Екимова и Сенчина в перспективе «деревенской прозы».

Материал исследования составляют повесть Б. Екимова «Осень в Задонье» и роман Р. Сенчина «Елтышевы».

Научно-практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в научно-педагогической работе при чтении курсов по современной русской литературе, а также в школьных элективных курсах.

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка, включающего 51 наименование.

Глава 1. «Деревенская проза» 1960–1980-х и современная литература о деревне.

1.1. Традиционная «деревенская проза»

«Деревенская проза» – значительное, духовно и эстетически действенное тематическое направление в литературе 1960 – начале 1980-х гг., осмысляющее драматическую судьбу крестьянства, русской деревни в XX в., отмеченное обостренным вниманием к вопросам традиции, народной нравственности, к взаимоотношениям человека и природы. Заявившая о себе в «Вологодской свадьбе» (1962) А. Яшина, особенно сильно в рассказе А. Солженицына «Матренин двор» («Не стоит село без праведника») (1963), эта проза представлена произведениями В. Белова, В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Липатова, В. Астафьева, Е. Носова, Б. Можая, В. Распутина, В. Личутина и других авторов. Создаваемая в эпоху, когда страна стала преимущественно городской и уходит в небытие веками складывавшийся крестьянский уклад, «деревенская проза» пронизана мотивами прощания, «последнего срока», «последнего поклона», разрушения сельского дома, а также тоской по утрачиваемым нравственным ценностям, упорядоченному патриархальному быту, единению с природой. В большинстве своем авторы книг о деревне – выходцы из нее, интеллигенты в первом поколении: в их прозе жизнь сельских жителей осмысляет себя. Отсюда – лирическая энергия повествования, «пристрастность» и даже некоторая идеализация рассказа о судьбе рус. деревни.

Термин «деревенская проза», включенный в научный оборот и в критику остается спорным. Прежде всего под «деревенской прозой» подразумевается особая творческая общность, то есть это в первую очередь произведения, объединенные общностью тем, постановкой нравственно-философских и социальных проблем. Для них характерно изображение неприметного героя-труженика, наделенного жизненной мудростью и

большим нравственным содержанием. Писатели этого направления стремятся к глубокому психологизму в изображении характеров, к использованию местных речений, диалектов, областных словечек. На этой почве вырастает их интерес к историко-культурным традициям русского народа, к теме преемственности поколений. Правда, употребляя в статьях и исследованиях этот термин, авторы всегда подчеркивают, что он носит элемент условности, что пользуются им в узком понимании. Главный источник такой терминологической характеристики – взгляд на объективный мир и на все текущие события с деревенской, крестьянской точки зрения, как чаще всего принято говорить «изнутри». Эта литература принципиально отличалась от многочисленных прозаических и стихотворных повествований о деревенской жизни, которые возникли после окончания войны в 1945 году и должны были показать быстрый процесс восстановления всего уклада – экономического и нравственного в послевоенной деревне. Главными критериями в той литературе, получавшей, как правило, высокую официальную оценку, были способность художника показать общественную и трудовую преобразовательную роль, и руководителя, и рядового землепашца. Деревенская же проза отказалась даже от малейших попыток лакировки изображаемой жизни, представив истинную трагедию отечественного крестьянства в середине XX века.

Такую прозу, представляли талантливые художники и смелые энергичные мыслители. Хронологически первым именем здесь должно выступать имя Ф. Абрамова, рассказавшего в своих романах о стойкости и драме архангельского крестьянства. Менее социально остро, но эстетически художественно еще более выразительно представлена крестьянская жизнь в повестях и рассказах Ю. Казакова и В. Солоухина. В них звучали отголоски великого пафоса сострадания и любви, восхищения и признательности, звучавшего в России с XVIII века, со времен Н. Карамзина, в повести

которого «Бедная Лиза» моральным лейтмотивом звучат слова: «и крестьянки любить умеют».

В 60-е годы благородный и нравственный пафос этих писателей обогатился небывалой социальной остротой. В повести С. Залыгина «На Иртыше» воспет крестьянин Степан Чаузов, оказавшийся способным на неслыханный по тем временам нравственный подвиг: он защитил семью крестьянина, обвиненного во враждебном отношении к Советской власти и отправленного ею в ссылку. Великим пафосом искупления вины интеллигенции перед крестьянином предстали в отечественной литературе самые знаменитые книги «деревенской прозы». Здесь выделяется рассказ А. Солженицына «Матренин двор» о русской деревенской праведнице, почти святой, и о крестьянине Иване Шухове, попавшем в страшный сталинский ГУЛАГ, но не поддавшемся дьявольски разрушительной силе его влияния. Повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» стала началом, по существу, новой эпохи в изображении русского крестьянства.

Русская словесность получила целую плеяду выдающихся художников слова: Б. Можяев, В. Шукшин, В. Белов, В. Распутин, В. Астафьев, В. Лихоносов, Е. Носов и др. Вряд ли какая иная национальная литература имеет такое созвездие творческих имен. В их книгах русские крестьяне предстали не просто высоконравственными, добрыми людьми, способными на самопожертвование, но и как великие государственные умы, чьи личные интересы никогда не расходятся с интересами отечества. В их книгах предстал собирательный образ мужественного русского мужика, защитившего отечество в военное лихолетье, создавшего в послевоенное время крепкий бытовой и семейный уклад, обнаружившего знание всех тайн природы и призвавшего учитывать ее законы. Эти крестьянские писатели, часть из которых была на войне, принесли оттуда чувство воинского долга и солдатского братства, помогли предостеречь государство и власть имущих от авантюрных экспериментов (переброска северных сибирских рек на юг).

Крестьянский мир в их книгах не изолирован от современной жизни. Авторы и их персонажи – активные участники текущих процессов нашей жизни. Однако главным достоинством их художественного мышления было следование вечным нравственным истинам, которые создавались человечеством в течение всей многовековой истории. Особенно значимы в этом отношении книги В. Распутина, В. Астафьева и В. Белова.

Русская литература всегда была знаменательна тем, что как ни одна литература в мире занималась вопросами нравственности, вопросами о смысле жизни и смерти и ставила глобальные проблемы. В «деревенской прозе» вопросы нравственности связаны с сохранением всего ценного в сельских традициях: вековой национальной жизни, уклада деревни, народной морали и народных нравственных устоев. Тема преемственности поколений, взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, проблема духовных истоков народной жизни по-разному решается у разных писателей.

Так, в произведениях Овечкина, Троепольского, Дороша приоритетным является социологический фактор, что обусловлено жанровой природой очерка. Яшин, Абрамов, Белов связывают понятия «дом», «память», «быт». Фундаментальные основы прочности народной жизни они связывают с соединением духовно-нравственных начал и творческой практики народа. Тема жизни поколений, тема природы, единство родового, социального и природного начал в народе характерна для творчества В. Солоухина. Ю. Куранова, В. Астафьева.

Итак, в центре внимания этой литературы стояла послевоенная деревня – нищая и бесправная (стоит вспомнить, что колхозники, например, до начала 60-х годов не имели даже собственных паспортов и без специального разрешения начальства не могли покидать «места приписки»). Правдивое изображение такой действительности в рассказах А. Яшина «Рычаги» (1956) и «Вологодская свадьба» (1962), повестях «Вокруг да около» (1963) Ф. Абрамова, «Подёнка – век короткий» (1965) В.Тендрякова, «Из жизни

Фёдора Кузькина» (1966) Б. Можаяева и в других подобных произведениях являло собой разительный контраст с лакировочной соцреалистической литературой того времени и вызывало подчас гневные критические нападки (с последующими проработками авторов, в том числе и по партийной линии, и прочим).

«Матрёнин двор» и «Один день Ивана Денисовича» Солженицына изображали не столько колхозную деревенскую жизнь, сколько конкретные образы двух людей «от земли»: в первом рассказе, первоначально названном «Не стоит село без праведника», повествовалось о тяжелейшие и полные достоинства жизненном пути простой русской женщины; второй представлял психологию крестьянина, без вины содержащегося в ГУЛАГе. В этом же ключе создавались и такие произведения В. Распутина, как «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Прощание с Матёрой» (1976), в которых на первый план выходили не социальные проблемы села, а проблемы нравственных ценностей народа в изменяющемся мире; подобного рода прозе давались определения «натурфилософской» и «онтологической».

После того как крестьянство получило наконец паспорта и смогло самостоятельно выбирать себе места проживания и виды деятельности, начался массовый отток населения из сельской местности в города; особенно это касалось так называемой Нечернозёмной зоны. Оставались полупустые, а то и вовсе обезлюдившие деревни, где царили вопиющая колхозно-совхозная бесхозяйственность и почти повальное пьянство среди оставшихся жителей... В чём же причины таких бед? В попытках найти ответ на эти вопросы авторы возвращались памятью в военные годы, когда силы деревни были надорваны (романы Ф. Абрамова «Братья и сёстры» и «Две зимы и три лета» (1958 и 1968 соответственно), повесть В. Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы» (1973) и другие), и касались такого губительного явления в агрономической науке, как процветавшая многие годы недоброй памяти «лысенковщина» (повести Б.Можаяева «День без конца и без края», 1972, В.Тендрякова

«Кончина», 1968), либо занимались ещё более далёкими историческими периодами -- например, роман С.Залыгина о гражданской войне «Солёная падь» (1968) или книга В.Белова «Лад. Очерки народной эстетики» (1981), посвящённая жизни дореволюционной общины Севера...

Однако самая главная причина раскрестьянивания человека на земле проистекала из «Великого перелома» («перелома хребта русского народа», по определению Солженицына), то есть насильственной коллективизации 1929--1933 годов. И писатели-деревенщики прекрасно это сознавали, но до отмены цензуры им было крайне сложно донести до читателя всю или хотя бы часть правды об этом крайне трагичном периоде. Тем не менее в печать всё-таки смогли пройти несколько таких произведений, посвящённых деревне перед самым началом коллективизации и во время первого её этапа. Это были повесть С. Залыгина «На Иртыше» (1964), романы Б. Можая «Мужики и бабы», В. Белова «Кануны» (оба -- 1976), И. Акулова «Касьян Остудный» (1978). Во время перестройки и гласности были наконец опубликованы ранее лежавшие в столах «непроходные» рукописи: вторая часть «Мужиков и баб» Можая, «Год великого перелома» Белова (оба -- 1987), рассказы Тендрякова «Хлеб для собаки» и «Пара гнедых» (1988, уже посмертно) и другие.

Глядя на массив «деревенской прозы» из сегодняшнего дня, можно утверждать, что она дала исчерпывающую картину жизни русского крестьянства в XX веке, отразив все главные события, оказавшие прямое влияние на его судьбу: октябрьский переворот и гражданскую войну, военный коммунизм и нэп, коллективизацию и голод, колхозное строительство и форсированную индустриализацию, военные и послевоенные лишения, всевозможные эксперименты над сельским хозяйством и нынешнюю его деградацию... Она представила читателю разные, подчас весьма несхожие по жизненному укладу российские земли: русский Север (например, Абрамов, Белов, Яшин), центральные районы

страны (Можаев, Алексеев), южные районы и казацкие края (Носов, Лихоносов), Сибирь (Распутин, Шукшин, Акулов). Наконец, она создала в литературе ряд типов, дающих понимание того, что есть русский характер и та самая «загадочная русская душа». Это и знаменитые шукшинские «чудики», и мудрые распутинские старухи, и его же опасные «архаровцы», и многотерпеливый беловский Иван Африканович, и боевой можаевский Кузькин по прозвищу Живой...

«Деревенская проза» стала существенным звеном литературного процесса. Ее создатели были первыми, кто на рубеже 1960 - 1970-х годов остро почувствовал надвинувшуюся беду - дефицит духовности, кто первым оценил ее как главную тенденцию времени. Деревенская жизнь и деревенский человек в их книгах ценны не столько как социологические феномены, сколько как емкие художественные образы, в которых наиболее явственно выразились сдвиг, сбой, чувство распутья, переживаемые всем нашим обществом, всеми его слоями. Не умиление народом, а тревога за его духовное здоровье пронизывает книги мастеров «деревенской прозы». В своих деревенских жителях они открывают не легендарную успокоительную цельность, а реальный драматический надрыв, разлом, проходящий через душу. Они не описывают «готовый» народный характер, берут его не в статике, а в динамике, которая оказывается процессом мучительного самопреодоления стихийного, «нутряного» существования. И приводят они своих героев не в президиумы торжественных заседаний и не на благостные литургии, а на совестный суд, где сам человек выносит себе беспощадный нравственный приговор.

1.2. Современная проза о деревне

Судьба «деревенской» прозы как течения в русской литературе XX века один из самых обсуждаемых вопросов в современном литературоведении. Многие писатели-«деревенщики» продолжали работать и в последнее

десятилетие XX века (В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, Е. Носов и др.), однако потенциал течения утрачен еще в середине 1980-х годов. Что в таком случае можно сказать о литературе века XXI? Есть ли смысл разговаривать о традициях «деревенской прозы» в произведениях, написанных после 2000 года? Соотносятся ли они хоть как-то с той самой «деревенской прозой», золотой век которой пришелся на 60-80 годы XX века, или это уже принципиально другие произведения, не имеющие с «деревенской прозой» ничего общего?

И. Иванова в своей статье «Деревенская проза в современной отечественной литературе: Конец мифа или перезагрузка?» [Иванова 2013] отвечает на этот вопрос так:

А вот с тем, что «деревенской прозы» в России сегодня практически нет», согласиться трудно. Это справедливо, только если считать таковой лишь прозу Шукшина, Распутина или Белова, о которой шла речь выше. Но если правомерно распространение этого понятия на любое адекватное произведение на сельскую тему, то можно назвать целый ряд произведений последних лет, которые, несомненно, связаны, пусть даже полемически, с традицией «деревенской прозы»: «Лада, или Радость» Т. Кибирова, «Позор и чистота» Т. Москвиной, «Крестьянин и тинейджер» Андрея Дмитриева, «Елтышевы» Р. Сенчина, «Псоглавцы» Алексея Иванова.

Рассмотрим несколько произведений из приведенного списка и попробуем на основе этого сделать некоторые выводы.

Начнем с романа А. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер», получившем первую премию «Русского Букера» 2012 года. В нем, по сюжету происходит столкновение героев двух параллельных, непересекающихся миров. Пожилого крестьянина Панюкова и гламурного подростка Геры, пытающегося откосить от армии скрываясь в деревне. Роман Дмитриева, конечно, не «деревенская проза» в строгом жанрово-тематическом смысле, а, скорее, почти классический роман воспитания, в центре сюжета которого – своего рода обряд инициации героя: через любовь, предательство, приобщение к подлинному миру труда, борьбы и горя и, наконец,

самостоятельно принятое первое мужское решение перестать прятаться и отслужить в армии.

«Крестьянин и тинейджер» [Дмитриев 2013]. – роман очень современный по стилю, языку, проблематике и в то же время почти вызывающе традиционный, апеллирующий к классической традиции, даже несколькими. Здесь так или иначе присутствуют и уже упомянутый роман воспитания, и вполне узнаваемый сентименталистский конфликт человека «естественного» и «цивилизованного», и проблема интеллигенции и народа в диапазоне от народников XIX века до шестидесятников XX века. И даже массовая литература постперестроечных реалий «лихих девяностых» и «нулевых», заставляющих по-новому взглянуть на классические для русской литературы и культуры конфликты. Однако ближайший контекст – конечно, «деревенская проза».

Весьма интересными в аспекте нашей темы представляются роман Т. Москвиной «Позор и чистота» [Москвина 2009] названный автором народной драмой в тридцати главах, и первый роман Т. Кибирова «Лада, или Радость: хроника верной и счастливой любви» [Кибиров 2010]. В строгом смысле ни тот, ни другой, конечно, нельзя отнести к «деревенской прозе», более того – в обоих деревенская тема даже не является основной. Однако если, по словам Толстого, цемент, связывающий воедино литературное произведение, – это «не единство лиц и положений, а единство нравственного отношения автора к предмету», то по этому критерию оба автора близки к деревенщикам. Сочувственное и любовное изображение деревни, уважение к человеку труда, центральный женский образ, безусловно, симпатичный автору, приверженность этой героини традиционным нравственным ценностям и, конечно, конфликт ее с пресловутым «городом», растлевающим и уводящим от истоков, от заданной нормы существования, – все это заставляет вспомнить героинь Распутина, Шукшина, Белова и Абрамова.

Таким образом, можно утверждать, что, хотя «деревенская проза» как таковая была фактом литературного процесса второй половины XX века, основные ее проблемы, конфликты, образы, характеры, сюжетные ходы не исчезли, а лишь трансформировались в соответствии с новыми реалиями современной российской литературы и культуры начала XXI века. Конечно назвать ее «деревенской прозой» в исконном смысле слова уже нельзя, это все же немного другое направление. Потому что любое литературное направление, вообще любая культура имеет смысл в конкретной историко-географической ситуации. С изменением этой ситуации, старая культура теряет смысл, литературное течение видоизменяется, прогрессирует, превращается в нечто иное. Поэтому и «деревенская проза» уже не та. Возможно, пару десятилетий спустя, новые поколения литературоведов дадут ей новое название, но тем не менее, та литература о деревне, которая есть сейчас, несомненно уходит корнями и имеет кровное родство с «деревенской прозой» 60-80 годов XX века.

В последующих главах мы рассмотрим двух конкретных авторов «современной деревенской прозы» с их произведениями, для того, чтобы лучше понять ее особенности, понять, кто из них ближе к традиционному течению, и в чем причины различий данных авторов во взглядах на судьбу и будущее современной деревни и ее жителей.

Глава 2. Анализ повести «Осень в Задонье»

2.1. Система персонажей повести «Осень в Задонье»

Персонажи первого плана в этом произведении это многочисленное семейство Басакиных, возглавляет которое строгий хозяин отец – глава семейства старик Басакин. Главным героем повести является его младший сын Иван, со своей семьей. Не последнюю роль играют средний и старший братья Басакины. Несколько особняком от всех них стоит Аникей Басакин. Крепкий и суровый хозяин, зажиточный крестьянин и главный виновник описанной в повести истории, он также примыкает к кругу положительных персонажей повести. В придачу к нему идут несколько человек дворовых и проживающий по соседству старик Атаман.

Все вместе они формируют круг положительных персонажей, «семью», вне рамок которой не мыслит себя герой «деревенской прозы».

Они все объединены одной очень простой целью, ни разу не озвученной за все произведение, но от того не менее очевидной – обеспечить достойное существование себе, своей семье и близким, оставаясь при этом честными и порядочными людьми.

Каждый из перечисленных персонажей играет в повести заметную роль, но наиболее значимыми из них, теми, кто наиболее сильно влияют на происходящие в повести события являются, пожалуй, трое. Это главный герой повести Иван, его отец Тимофей Иванович и Аникей. О них мы поговорим подробнее. Вообще индивидуальные черты героев в повести прописаны не очень четко. Каждый из множества героев играет определенную роль. Автор не дает описания героев. О том, какие они, мы можем судить лишь по действиям, которые они совершают.

Иван – типичный положительный герой «деревенской прозы». Он не подвержен слабостям, не пьет, не предается апатии, не взирая ни на какие жизненные трудности. Вся его жизнедеятельность подчинена одной

единственной цели – обеспечить нормальную жизнь своей семье. И он делает для этого все что только может сделать честный ответственный человек. Когда нужно, он проявляет гибкость, жертвует всем ради благополучия семьи: «Есть заказы – работаешь, не разбирая ночи и дня: едешь и едешь, спешишь, к дому прибываясь редко. Нет работы, значит маешься, жене и детям в глаза стыдно глядеть. Глава семьи, кормилец...» [Екимов 2016]. Одним словом, «настоящий мужик». На всем протяжении повести слабинку он проявляет всего лишь один раз, после эпизода с разрыванием денег сотрудником милиции: «Одним разом навалилась тяжкая усталость, телесная и душевная, которая копилась все долгое лето... ни слова не говоря, пошагал к своей машине, которая стояла последней в караване «Камазов», в ночной тьме. Дошел до нее, залез в кабину, завел, развернулся и поехал домой. Никто его не остановил» [Екимов 2016]. Этот момент становится переломным в сюжете повести. Этот эпизод, как будто доказывает, что нормальная честная, трудовая жизнь в городской среде тех времен просто невозможна, раз даже такой персонаж как Иван Басакин не может к ней адаптироваться. После этих событий герои принимают решение о переезде на хутор. В этом проявляется один из главных конфликтов повести.

Еще один важный персонаж – отец Ивана, старик Басакин. По сути, это тот же самый тип героя, что и его сын, с той лишь разницей, что он уже выполнил почти все главные жизненные задачи. Поставил на ноги сыновей, обеспечил и продолжает обеспечивать крепкий быт своей семьи, по возможности помогая семьям детей. Он пользуется большим уважением членов семьи, но вместе с тем, его побаиваются, ведь вместе с опытом и житейской мудростью, он приобрел некоторую жесткость и черствость. Он не принимает в людях слабость, и не прощает ее даже своим сыновьям: «Порода, это ваша порода такая... Твоя порода, – внушал старый Басакин. – Мамочка Рая... Тонкокорые. Чуть царапнут их, сразу – кровь, боль, слезы» [Екимов 2016]. Его жесткость гармонично уравнивается чуткостью и

мягкостью его жены, которую за эти качества называют – «мамочка Рая». Вместе они представляют собой основу большой семьи, ее стержень, который не позволяет ей развалиться и тем самым увеличивает шансы на выживание каждого отдельного ее члена.

Следующий персонаж, на которого стоит обратить отдельное внимание – это Аникей. Суровый хозяин, который уж точно, как никто другой сумел вписаться в неблагоприятные окружающие условия. Проявил настоящую гибкость, местами граничащую с подлостью в стремлении подняться над обстоятельствами. И преуспел в этом. Он поистине крепкий хозяин. Жесткий и иногда жестокий по отношению к своим работникам и очень лояльный по отношению к людям власть имущим, тем от чьей благосклонности зависит успех его «бизнеса». Настоящий «дуб» как характеризует его сам автор. Его персонаж – это своеобразный «двойник» главного героя. Он показывает каким тому надо быть, какими качествами нужно обладать, чтобы приспособиться к нынешней жизни, но в тоже время, эти его качества как будто избыточны. Он так увлекся адаптацией к суровым условиям жизни, что позабыл некоторые нравственные законы и жестоко поплатился за это в конце повести.

Есть еще несколько персонажей, занимающих видную роль в повести, но подробно говорить мы о них не будем, упомянем лишь два имени. Это средний брат Яков, который нужен в повести, наверное, для того, чтобы продемонстрировать альтернативный вариант развития сюжетной линии. Как сложилась бы жизнь главного героя, и кем бы он стал если бы в свое время не переехал в деревню. И старший брат Ивана – Павел. Ему в тексте уделено крайне мало внимания, но ключевым своим поворотом повесть обязана именно ему. О нем нам известно только со слов других героев и из нескольких эпизодов, когда он, появляясь не иначе как на вертолете, объявляет о грядущих грандиозных переменах в жизни всех героев повести.

Следующий круг персонажей, которые в целом проявляют себя даже не совсем как персонажи, а скорее, как некая однородная агрессивная внешняя среда, проявляется по большей части в городе. Это бандиты и обнаглевшие представители милиции, которые, пользуясь всеобщей растерянностью по причине сложной ситуации в стране, активно злоупотребляют лояльностью добропорядочных граждан, таких как семья Басакиных. От них и ищет спасения Иван, переезжая на постоянное место жительства в деревню.

Однако там им на смену приходят не менее опасные враги, это проживающие по соседству чеченцы, эмигрировавшие со своей родины и осевшие на задонских равнинах. Круг этих персонажей не так однороден, как масса городских криминальных элементов, среди них есть и честные уважаемые люди, такие как сосед Аникея Вахид, но как бы там ни было, это представители другой культуры и чужим они не особенно доверяют.

Особенную враждебность к представителям русской нации и в частности к Ивану и Аникею, демонстрирует Асланбек – сын старого и мудрого Ибрагима, который по каким-то причинам не унаследовал отцовской мудрости и самоконтроля. «Беспредельщик. Отморозок. Он всегда где-то шляется: уедет, приедет. Промышлял. Скот у людей угонял. Его ловили, отец откупал... разговаривать с ним бесполезно, слов не понимает. С Ибрагимом надо говорить». Так характеризует его Аникей в разговоре с Иваном. Аварии со смертельным исходом, по всей видимости, также подстроил именно он (Асланбек).

О чеченцах Екимов пишет во многих своих произведениях, по-видимому эта тема очень его беспокоит. Кстати, национализм тоже является одной из характерных особенностей «деревенской прозы». Вот и в этой повести Екимов акцентирует внимание на опасности, которую представляют выходцы из иных культур для русской нации. Хотя основную опасность для русских представляют все-таки сами русские, их пороки и слабости. Чеченцы же, это по большей части антураж, который лишь ярче оттеняет собственные

недостатки русских. Но и дополнительные проблемы они конечно тоже создают.

Чеченцы у Екимова – это народ твердый, жестокий и трудолюбивый. Конкурировать с ними было бы очень трудно даже в период рассвета нашей нации, а теперь и подавно. В качестве достойных конкурентов, автор представляет нам семью Басакиных. Но проблема в том, что таких как Басакины в нашей стране не так много. Подавляющее большинство населения нашей родины – это безвольные, отчаявшиеся, плывущие по течению личности. В повести «осень в Задонье» они фигурируют как «бичи» работающие по принуждению в хозяйстве Аникея и у чеченцев. Аникей так отзывается о своих работниках: «Кто на людей был хоть чуток похожий, давно улег. Остались гнилые азадки. У людей, у настоящих, – объяснял он наставительно, – у них дела, планы, задумки: хорошо заработать, дом построить, машину хорошую купить, детей выучить, внукам помочь. А у моих работничков лишь одна думка: в склад забраться. Там, где канистры со спиртом. Вот забраться бы туда и загулять...». И такие люди формируют четвертый круг персонажей повести «Осень в Задонье». Это «бичи»,

«Бичи» и алкоголики, обильно встречающиеся возле всевозможных гаражей и лавочек поселка, в котором жили Басакины – это люди, растерявшие остатки какой бы то ни было морали, совести и воли. Ими движут лишь примитивные инстинкты и стремление к относительному комфорту, сильнее которых может быть лишь страх тюрьмы или телесного наказания. Это ярко продемонстрировано сценой, следующей после гибели Аникея, когда его верные «рабы» едва узнав о смерти своего хозяина, который много лет укрывал их от тюрьмы, кормил и одевал, принялись разорять его хозяйство, в поисках спрятанного в отдельном погребе хранилища со спиртом, убив при этом хозяйского пса, который до последнего охранял заветное сокровище. Тем самым автор демонстрирует читателю (русскому человеку) два варианта того, кем он может быть:

биомусором, обреченным на истребление и вымирание, или достойной личностью, способной конкурировать с иноземными захватчиками, защищать и отстаивать свою культуру, землю и право на существование.

В повести есть и другие персонажи. Особняком стоят монахи. Они символизируют верность традиции и являются воплощением христианской веры, необходимой по мнению автора, чтобы противостоять мусульманам и поддерживать самих себя в нравственном тонусе.

Еще один персонаж о котором стоит упомянуть это Тимоша. Ребенок олицетворяющий собой смысл всей жизнедеятельности героев. Везде где он появляется, воцаряется мир, все оживают становятся счастливее. Он является главным двигателем и смыслом всего, что происходит в повести.

Таким образом, проанализировав систему персонажей повести, мы обнаружили несколько основных ее конфликтов. Подробнее речь о них пойдет в следующем параграфе.

2.2 Основные конфликты повести «Осень в Задонье»

Герои повести Бориса Екимова – крепкая патриархальная семья. Сыновья «патриарха» – старика Басакина, как и он сам – «настоящие мужики». Они делают все мыслимое и немислимое, чтобы обеспечить своим семьям достойное существование. В их жизнях не стоит тот экзистенциальный вопрос, который не дает покоя Елтышевым – «зачем жить?» Они живут и работают потому что у них маленькие дети, потому что их нужно кормить. Кроме того, их семья образует некое единство, в ней действует нечто вроде коллективного разума, которое не дает одному конкретному индивиду сильно отклониться от общего положительного курса. Они все как один. Помогают друг другу, держатся друг за друга. Но не смотря на это, членам семьи приходится очень не легко, когда происходит

столкновение интересов с представителями иной культуры, приверженцами иных, жестоких нравов и ценностей – чеченцами.

Благодаря своему вероисповеданию, чеченцы не подвержены многим «болезням» нашего общества, и это дает им огромное конкурентное преимущество перед представителями нашей нации. Аникей – наиболее жесткий и крепкий в морально-волевом плане персонаж, оказывается недостаточно осмотрительным, чтобы победить в этой борьбе за выживание. Что же говорить о тех представителях нашей нации, для кого существенной трудностью является – жить не опускаясь на социальное дно?

Семья Басакиных в повести представлена, как единственная альтернатива нравственному разложению, которое непременно последует после утраты людьми традиционных ценностей. Чтобы не быть «бичами», чтобы быть в состоянии противостоять чеченцам, русские обязаны быть «Басакиными», то есть должны поддерживать крепкие семейные связи и твердо блюсти остальные традиционные моральные правила.

Конфликт между «иноземными захватчиками» и отдельными членами традиционной патриархально-трудовой семьи – один из основных в повести Б. Екимова «Осень в Задонье». Но главным конфликтом, на наш взгляд является все же не он, а, закономерно вытекающий из него, конфликт между «бичем» и человеком внутри каждого отдельного персонажа.

Конфликт разворачивается между безвольными, опустившимися «рабами» известными нам как «четвертый круг персонажей» и людьми способными переломить ход собственной жизни, людьми верными традиционным ценностям, такими как Аникей или Иван. На самом деле эти два типа персонажей ни что иное, как два крайних проявления личности русского человека. И сцена избиения Аникеем своего «раба» за провинность – это иносказательное изображение внутренней борьбы, которая постоянно идет в каждом из нас.

О том, как происходит борьба между «бичем» и «человеком», о временных поражениях главных героев в ней, есть в повести несколько эпизодов. Один из них – это эпизод, когда средний брат Яков, отчаявшись после смерти любимой собаки, впал в слабость и начал выпивать, но благо его жена и мать вовремя почувствовали неладное и приняли профилактические меры. Здесь еще раз подчеркиваются ценность семьи и особая роль женщин, свойственная творчеству писателей- «деревенщиков». Ведь если бы женщины вовремя не спохватились и не предприняли нужные шаги, велика вероятность, что Яков пополнил бы своей персоной коллектив «бичей» и алкоголиков, оставив свою семью на попечение родных. В этом эпизоде роль женщин подчеркнута автором особенно ярко. Он прямо пишет о том, что с такой проблемой герой, а точнее его жена, которая тоже сыграла важную роль, вовремя почувствовав опасную ситуацию, могла обратиться только к матери семейства. Обращаться с подобными вопросами к отцу, не смотря на всю его положительность и силу было бесполезно, так как он подобные проблемы считал пустяками.

Еще один эпизод ярко иллюстрирующий проявление этого внутриличностного конфликта – это эпизод с разрыванием денег сотрудником милиции, описанный в предыдущем параграфе. Этот эпизод позволяет понять, что у всех персонажей есть свой предел прочности, но положительный герой, такой как Иван Басакин, никогда не сдастся и всегда найдет в себе силы, чтобы подняться и не проявлять впредь подобной слабости. Всегда будет нести ответственность перед самим собой и своей семьей.

В качестве примера трансформации из «бича» в «человека» можно привести историю работника с символичной фамилией Мышкин, плавно превратившегося по ходу повести из «раба» в самодостаточную личность, мужа и отца: «еще вчера — сирота бездомная, а нынче — все свое: хата, жена и теперь вот будет ребенок» [Екимов 2016].

Вообще, подобными мотивами пронизано все творчество Екимова. В каждом его произведении главный герой всегда стоит перед тяжелым нравственным выбором и всегда принимает верное волевое решение.

И.В. Великанова в своей статье Конфликт и сюжет в повестях Б.П. Екимова пишет: «Б.П. Екимов представляет героев в такой момент их жизни, когда под влиянием внешних обстоятельств нарушается привычный ход вещей и требуется сделать выбор, найти верное решение, отстоять свою позицию... Таким образом, «проблема личности, раскрываемая с точки зрения нравственных процессов, происходящих в человеке», находится в центре повестей Б.П. Екимова. Это, в свою очередь, обуславливает важнейшие особенности их поэтики: остроту художественного конфликта, большую роль событийного начала, развернутость фабулы, использование приемов психологического изображения». [Великанова 2013].

В большинстве рассказов Екимова финал остается открытым, но нравственная победа героя всегда очевидна, даже не смотря на порой ухудшающиеся в результате его решения внешние обстоятельства. И очень часто, это волевое решение главного героя прямо или косвенно связано с переездом в деревню, с приближением к природе и отдалением от города. Мысль о том, что деревня и природа – это неотъемлемая часть настоящей «правильной» жизни и один из элементов нравственного возрождения человека, всегда незримо присутствует в его произведениях. И это свидетельствует о наличии в повести еще одного важного конфликта. Это широко распространенный в творчестве «деревенщиков» конфликт города и деревни. В повести «Осень в Задонье» эти два конфликта очень тесно связаны между собой. Город по мнению Екимова – удел слабых духом. А деревня – серьезное испытание, но в то же время бесконечный простор для души, пространство для нравственного возвышения.

Таким образом, победа во внутренней борьбе у Екимова кроме всего прочего всегда связана с деревней и природой. Здесь слиты воедино два

основных конфликта повести, а третий является своеобразным «катализатором», способствующим обнаружению главных двух.

Глава 3. Анализ романа «Елтышевы»

3.1. Система персонажей романа «Елтышевы»

Первый план персонажей – это, как и в повести Екимова сама семья. Она, однако, не отличается такой однородностью интересов как семья Басакиных. Относительное единство демонстрируют только супруги Николай и Валентина. Сын же с ними конфронтирует, хотя и вынужден подчиняться их решениям в силу собственной беспомощности. Да и сами Елтышевы – это совсем не те люди, что герои повести Екимова. Нельзя сказать, что это отрицательные персонажи. Это обычные люди, не лишенные зачатков совести и чести, достаточно вспомнить, с каким трудом им дается решение начать торговать спиртом: «– Ну и как, как ты себе это представляешь?! – негодовала Валентина Викторовна. – Я буду пойло разбавлять, таскать алкашам?» [Сенчин 2009]. Однако, если интегрировать их в повесть Екимова, они скорее дополнили бы ряды злодеев, тем более, что Николай Елтышев в прошлом как раз нечистый на руку сотрудник милиции. Персонажи подобные ему фигурируют в повести Екимова, как негативные и противопоставлены главным героям.

Младшему сыну в тексте уделено крайне мало внимания, однако его персонаж все-таки оказывает на главных героев значительное влияние, поэтому его мы тоже отнесем к первому кругу.

Персонажи второго плана – это те, с кем семья вступает во взаимодействие, кто помогает оттенить характеры главных героев. Это такие персонажи как тетка Татьяна, семья Хариных, в частности муж, семья Тяповых (все трое), Юрка и некоторые другие.

Третий круг персонажей – те, кто появляются эпизодически и особой роли не несут, в основном это разные алкоголики и другие малозначительные персонажи, которые завершают формирование образа обитателей сенчинской

деревни, например, компания друзей старшего сына Елтышевых, участковый и другие подобные им.

Теперь подробнее о каждом из них. Наверное, самым главным персонажем, которому уделено больше всего внимания и чьими глазами читатель воспринимает деревню большую часть романа, это Николай Михайлович Елтышев. Его образ, как и все остальные, прописан очень рельефно и убедительно. Он всю жизнь (35 лет) проработал в милиции. Этот биографический факт несомненно отразился на его личности, и автор очень правдоподобно это описал. Елтышев привык к повиновению и чувствует свое превосходство над большинством деревенских жителей. В прошлом капитан милиции, он явно привык тому, что ему все сходит с рук, на его стороне всегда закон и табельное оружие, никто не смеет ему перечить: «Я мент – ясно? – и со мной опасно шутить. Я шуток не понимаю» [Сенчин 2009]. Возможно, эти его особенности и привели семью в то неприятное положение, о котором весь роман. На новом месте жительства его повадки остаются прежними, несмотря на отсутствие положения милиционера. Правда теперь он полагается исключительно на грубую физическую силу, которой ему тоже не занимать, как и «крутизны» характера. Сенчин описывает своего героя так: " ...годам к тридцати пяти заматерел, ощутил что-то в себе стальное; валун себе напоминал, который, если столкнуть, все на своем пути в лепешку раздавит. И сослуживцы, когда собирались в спортзале тренажеры помучить, удивлялись: «Здоров ты, Николай Михалыч! Штангой по юности не занимался?» А он отшучивался: «Борьбой занимался без правил»" [Сенчин 2009].

В деревне, эти особенности характера хоть и помогали ему в некоторых ситуациях (многие его побаивались, никто не вступал в открытый конфликт), но в конечном итоге сыграли скорее против него самого и его семьи. Возможно его нетерпимость к людям в какой-то степени стала причиной произошедшей трагедии.

Сенчин показывает, как человека, который сам себе напоминал «стальной валун», способного убить если надо (и он делает это несколько раз на протяжении романа) словно «тростинку» ломает современный деревенский быт.

Валентина Елтышева, супруга Николая – обычная среднестатистическая городская женщина, в прошлом библиотекарь. Обладает всеми необходимыми для жены и матери положительными качествами. Какими-то резко выдающимися чертами характера не выделяется в отличие от мужа и сыновей. Но в тексте романа ей уделено довольно много внимания, и она также, как и Николай Михайлович является одним из главных персонажей, формирующих восприятие читателями описываемых событий. Благодаря ей во многом раскрывается тема всей семьи, становится понятно, что именно привело семью к краху, какие особенности личностей героев, их поведения. Отдельное внимание стоит обратить на то, что она, как и тетка Татьяна в какой-то степени является носителем характерных для «деревенской прозы» традиционных ценностей. Она дольше всех сопротивляется разлагающему влиянию среды, сохраняет остатки нравственности и благодаря этому дольше других остается в живых. Погибает она только тогда, когда рвется последняя «нить» соединяющая ее с этим миром, дающая ей какую-то надежду.

Этой нитью, был для нее внук Родион, с матерью которого их семья и она лично прервала всякую связь после смерти сына. Тот факт, что мальчик отказывается признать в ней свою бабушку и поверить в то, что его настоящая фамилия Елтышев, повергает ее в истерику и провоцирует обострение болезни, которой она страдала на протяжении большей части романа. Для нее отказ внука в родстве означает, что теперь вся ее семья (главная ценность по мнению писателей- «деревенщиков») окончательно погибла и она осталась совершенно одна. Таким образом, ее род прерывается, теряется последний смыслообразующий фактор и к ней под

видом приступа диабета мгновенно является смерть. То, что для Валентины Елтышевой причиной смерти стал отказ внука признать в ней свою родню (семью), очень многое говорит о самой героине.

Очень характерно так же то, что оба носителя традиционных ценностей в романе – женские персонажи.

Старший сын Артем – это характерный тип молодого человека, живущего в новой России, воспитанного родителями в лучших традициях коммунистического прошлого. От него ждут поведения и поступков, на которые он не способен, которые вызывают у него отвращение и скуку. Он отлеживается в отдельной комнате в ожидании, что что-то изменится, само собой. «Увалень и лентяй», как характеризуют его многие, публицисты. «Однажды он услышал слово, поразившее его, – слово это сказали не в его адрес, но с тех пор Артем часто мысленно повторял, обращая его к себе: «Недоделанный». Обидное, но точное слово...» [Сенчин 2009].

Очевидно, что с Артемом Елтышевым не все так просто. Он продукт среды и воспитания своих родителей. Трудно его в этом винить, как и в том, что у него отсутствует внутреннее стремление изменить себя и свою жизнь. Вся семья Елтышевых в какой-то степени объекты. «Люди – автоматы», которые не живут в полном смысле слова, а только реагируют на внешние раздражители и Артем не исключение. Очевидно, что персонаж старшего сына Елтышевых – результат какой-то чудовищной социальной «неправильности». Он ждет, что жизнь преподнесет ему какой-то шанс, «взбодрит» его, надеется, что переезд в деревню «вдохнет» в его скучную жизнь новый смысл: «Была крошечная, но странно-крепкая надежда, уверенность даже, что на дне ямы, в которую срывается по этой кочковатой, выщербленной дороге, он найдет новую жизнь – какую-то, пусть и сложную, тяжелую, но настоящую жизнь. Кончится томительный период полудетства, начнется взрослость» [Сенчин 2009].

Но деревня, оказывается местом где еще в большей степени сконцентрированы все проблемы, которые преследовали его в городе. Не смотря на рождение ребенка, его существование вскоре теряет всякий смысл, и смерть, в лице озверевшего от деревенской жизни отца, не заставляет себя долго ждать.

Может быть такой персонаж, как Артем Елтышев нашел бы себя, попав в настоящую деревню, в деревню прошлого, в ту которую оплакивает Распутин и другие «деревенщики»?

Денис – младший сын Елтышевых. Он присутствует в романе заочно, за исключением нескольких сцен. Но несмотря на это, он оказывает значительное влияние на главных героев – отца и мать Елтышевых. На момент начала романа, он сидит в тюрьме за нанесение тяжких телесных повреждений. Родители надеются, что, выйдя на свободу он изменит их ничемную жизнь, которую сами они наладить не в состоянии. Им нужна не физическая помощь, а скорее какая-то ментальная поддержка, новый смысл, надежда на возможность положительного исхода. Надеется в основном мать, отец – опытный сотрудник милиции понимает, что люди, отсидевшие в тюрьме, редко возвращаются к нормальной жизни. Но даже он время от времени с надеждой упоминает в разговоре о младшем сыне.

Денис, по мнению родителей – не чета брату. Повзрослел раньше брата, хоть и был младше на два года, все знаковые события в жизни парня случились у него раньше. Как итог – настоящий мужик, боксер, десантник.

Испокон веков в нашей стране, человеком способным что-то изменить считался солдат. Тот, кто прошел через войну, смерть, кто ценит жизнь такой, какая она есть, не ища в ней каких-то особых смыслов. А младший сын Елтышевых «хоть и не воевал, но был как повоевавший». И нет ничего удивительного в том, что именно на него родители возлагают надежды. К сожалению, судить о нем, по его поступкам у нас возможности нет, так как

их он совершает в романе крайне мало, да и о тех мы узнаем со слов других героев романа.

Денис Елтышев гибнет, едва освободившись из мест лишения свободы. Внешне это выглядит так, будто Сенчин испугался масштаба лихо закрученной им самим интриги, побоялся, что не сможет достоверно описать столь «крутой» характер и устранился от разрешения этой проблемы таким нехитрым способом. Но на самом деле это не так. Идея здесь скорее та, что каким бы «крутым» не был персонаж, современная деревня уничтожит его в «мгновение ока». Не получится «прогнать ее под себя», к ней можно только приспособиться, путем тяжелого труда, да и это мало у кого получается.

Особняком от всех остальных стоит персонаж тетки Татьяны. Тетка Татьяна – единственный полноценный носитель традиционных ценностей в романе. Ее персонаж как будто противопоставлен Елтышевым. Она, старая больная немощная – молчаливый укор семье с двумя взрослыми мужиками. Она все это время умудрялась выживать в забытом богом захолустье, а относительно молодая и более-менее здоровая семья вымерла. Ее образ, как будто противостоит всей остальной деревне с ее опустившимися жителями. Она праведница и чем-то напоминает солженицинскую Матрену. На момент приезда Елтышевых в деревню она уже очень стара, кажется, что жизнь в ней еле держится и вообще не понятно, как ей удастся выживать в столь неблагоприятных условиях. Однако, несмотря на это, она не просто выживает, а умудряется поддерживать в относительном порядке свое хозяйство: «вообще невозможно было представить, как здесь, в этих условиях, может существовать и оставаться человеком бабка Татьяна. Бессильная, еле передвигающаяся, она все же не заросла грязью, в комод у нее лежало чистое белье, в хлебнице был мягкий хлеб, в подполе – запасы на зиму». Этим она приводила в восхищение супругу Елтышеву, которой несмотря на относительную молодость и здоровье, вести хозяйство оказывается не под силу. Но очень показателен тот факт, что в скором

времени после приезда Елтышевых она погибает при загадочных обстоятельствах. То ли самовольно расстается с жизнью, то ли ей помог в этом Николай Михайлович (второй вариант выглядит наиболее убедительным).

Тетка Татьяна – единственный персонаж в этом романе, являющийся ярко выраженным носителем традиционных ценностей, культивируемых в свое время «деревенщиками». В этом плане не один из персонажей романа не в состоянии составить ей конкуренцию, даже жена Николая Елтышева Валентина.

Традиционные ценности, которые некогда «цвели пышным цветом» на благодатной деревенской почве прошлых лет, в романе Сенчина оказываются окружены «заразой» безнравственности, лени и других пороков. Со всех сторон окруженным этой «заразой», традиционным ценностям не остается ничего другого, кроме как ретироваться, освободив место для чего-то нового, пусть и не лучшего.

Есть еще несколько персонажей о которых стоит сказать, так как они, играют роль в раскрытии персонажей главных героев и вообще описанной ситуации.

Это такие персонажи, как семья Хариных. При первом знакомстве они выглядят, как порядочные, «вменяемые» люди, которые поначалу дают главным героям надежду, на то, что не все потеряно (они тоже приезжие, у них пятеро детей, выглядят интеллигентно и дружелюбно, говорят так же). На деле же они оказались аферистами, пытающимися обманым способом заработать, чтобы прокормить себя и своих детей.

Они, так же, как и Елтышевы – простые люди, не лишённые зачатков совести, но и не святые. Они достойные продукты породившей их системы.

После очередной стычки Харина с Елтышевым в лесу, Николай Михайлович потеряв над собой контроль, ломает Харину шею и спокойно уходит по своим делам. Таким необычным образом Харин сыграл свою

скромную роль в раскрытии характера главного героя романа. Если после смерти тетки Татьяны, еще оставались какие-то сомнения, то теперь становится совершенно очевидно: Николай Елтышев – убийца.

С семьей Тяповых, Елтышевых связывает старший сын Артем, его отношения с их дочерью Валентиной. На самом деле, эти персонажи мало прибавляют к формированию образов главных героев, гораздо большее влияние они оказывают на образ деревни. Мать «сержант-сверхсрочник», как называет ее муж-отец, сам он пьяница-баянист и дочь – гулящая, «не первой свежести» девушка. Семейка «фриков», глупые и наглые, они гармонично выглядят на фоне деградирующей деревни и по всей видимости вполне комфортно себя в ней чувствуют.

Остальные персонажи завершают формирование образа деревни и никакой особой смысловой нагрузки не несут.

Роман Сенчина чем-то напоминает экзистенциализм с его понятием абсурда. Это слово (абсурд) первое приходит на ум при попытке выявления смысла романа. Весь роман – это просто «картина, качественно срисованная с реальной жизни». В ней нет никакой «мифологизации», сложно сделать какой-то вывод. Все описанные в романе события и персонажи очень знакомы, но извлечь из всего этого «мораль» довольно трудно. Однако, мы все же попытаемся сделать какое-то обобщение на основании описанных в романе событий.

3.2. Основные конфликты романа «Елтышевы»

«Нарисованная Сенчиным картина может показаться односторонней и предвзятой, но трудно не узнать в ней современную реальность тысячи деревень. Признанные «неперспективными» во времена расцвета «деревенской прозы», они тихо умирали или разделяли судьбу распутинской Матеры. Сейчас, став жертвами «реформ», разоряющих колхозы,

закрывающих сельские школы и больницы, деревни исчезают с карты России еще быстрее» [Иванова 2013: 93].

Основной конфликт романа «Елтышевы» – это мнимое стремление главных героев к благоустройству жизни, обстоятельства, препятствующие ему и стремление спрятаться от них, уклониться от борьбы. Этим Елтышевы отличаются от Басакиных, те стараются преодолеть обстоятельства, видят цель, хотят ее достичь, досадуют на невозможность ее достижения, но пробуют, борются, ошибаются, падают, встают, пробуют снова и т.д.

Елтышевы же, напротив, не видят цель, не верят в нее, в возможность ее достижения. Они пессимисты: «печку надо в бане срочно менять, полки новые сколотить, а досок нет подходящих, да и вообще всю бы баню надо новую; и хотя бы фундамент дома до осени залить...

– Да, надо, – соглашался Артем, но по-настоящему НЕ ВЕРИЛ (не вижу цель, вижу препятствия), что они в силах что-то здесь, среди этого старья, изменить» [Сенчин 2009]. Главный враг Елтышевых – это на самом деле не препятствия на их пути, а сама необходимость бороться с препятствиями. Хотя Сенчин рисует их (препятствия) очень отчетливо, и внушительно, так, что иногда даже встает вопрос – а действительно ли дело в самих героях, или, может быть, обстоятельства, в которые они попали на самом деле непреодолимы? И надо сказать, многие исследователи и публицисты, трактуют роман Сенчина именно в таком ключе, но мы, пока что, рассматриваем другой вариант.

Хуже всего для героев романа не то, что они попали в такую неприятную жизненную ситуацию, а то, что они вынуждены искать из нее выход, брать на себя ответственность за свою жизнь: «представлялись скорые неотвратимые часы, когда нужно будет упаковывать, сортировать, вытаскивать мебель, куда-то ее грузить... Валентина Викторовна боролась с желанием бросить нож, сесть на табуретку, зажмуриться. Не быть. Вошел

Николай, постоял, необычно для него нерешительно переминаясь с ноги на ногу, потом предложил:

– Может, я это... за бутылкой схожу... Что-то трясет, прямо... Напряжение снять. Валентина Викторовна кивнула:

– Сходи. Только получше купи какую. – Ей тоже хотелось немного выпить» [Сенчин 2009]. Отстраняясь от ответственности, ища убежища на дне стакана, они на время погружаются в относительный душевный комфорт и в этом их главный «грех». Раз за разом оправдывая свою слабость, они постепенно теряют остатки былой целостности, начинается путь их разложения как семьи и личностей. В этом их главное отличие от Басакиных. Те, оступившись один раз, находят в себе силы подняться и больше никогда не падать. Не дают себе никаких послаблений. Главный приоритет их жизней – истинное счастье, настоящее, заслуженное тяжким, ежедневным душевным и физическим трудом, а не мнимое, временное, «разбодяженное» в стакане до 50 градусов.

Отвечая на вопрос, почему не сработал в данной ситуации екимовский рецепт семейной взаимовыручки, первое, что бросается в глаза это фраза, многократно звучащая на протяжении всего романа «надо же как-то жить дальше». Складывается ощущение, что эта мысль не была рождена в головах самих героев, а была навязана им обществом. Лев Пирогов в своей статье «Мёртвые души и доктор Сенчин» доказывает тезис о том, что главная неприятность Елтышевых, это как раз-таки необходимость жить дальше.

«Ещё раз вспомним, с чего начался роман. Хотелось «просто жить»: чтобы дети были обуты-одеты, в секции-кружки позаписаны, ну и машина-жигули – на дачу ездить опять же. Такие цели. Тёплые, живые и всем понятные. Проблемы начались, когда эти цели были достигнуты. Зачем жить дальше? Оказалось, незачем. Вот и начался процесс выбраковки Ёлтышевых из жизни». [Пирогов 2009].

Современная деревня не оставляет шансов тем, кто просто хочет жить. Выжить смогут те, кто **ОЧЕНЬ** хочет жить и готов проявлять ради этой цели фантастическую волю и чудеса изобретательности. Чтобы не стать жертвами естественного отбора, они должны были «с эволюционировать», проявить гибкость, подстроиться под новые условия. Такие как есть, они действительно обречены на вымирание. Для выживания в подобных условиях им нужно было овладеть такими качествами, как бесконечное трудолюбие, жизненный оптимизм, вера в победу, нравственная стойкость и им подобные. Отказаться от того, что мешает этой цели (выживанию). Но вместо этого, они продолжают проявлять косность мышления используя старые схемы поведения, которые возможно и приносили им какую-то пользу в городе, но абсолютно бесполезны в деревне.

Вторая «любимая» фраза Елтышевых это — «ну а что теперь делать-то!?!». Эта фраза звучит постоянно, перед тем, как кто-то из них собирается проявить слабость, совершить безвольный поступок. Ей они как бы дают себе разрешение на этот поступок, оправдывают его и себя вместе с ним: «Тридцать пять лет – и ни разу не столкнулся ни с одним настоящим преступником, ни одного бандита не видел. Все какие-то мелкие хулиганы, семейные скандалисты и алкаши, алкаши, алкаши. И в вытрезвителе, и до того... Ну, а что, – ворчал про себя Николай Михайлович, – а что остается-то? Пить только». Вот еще примеры: «– А вы что, – спросил тихо мать, – спиртом, что ли, стали?.. И Валентина Викторовна от жалости к себе, к семье своей, заплакала. Сбивающимся на крик полусшепотом ответила: – А что... Что нам, сынок, делать? Что-о?!», «– Налей мне тоже, – сказала Валентина Викторовна. Вспомнила слова Дениса и мысленно оправдалась: «А что делать? Вот что сейчас делать?»» [Сенчин 2009]

Конечно, у любого, даже самого негнибаемого человека есть свой предел прочности. И тут кроется ключевой вопрос этого романа – кто такие Елтышевы? Безвольные, обреченные на поражение существа, не желающие

сопротивляться обстоятельствам, чей главный жизненный приоритет — достижение сиюминутного удовольствия и желание избежать ответственности за последствия, или обычные люди, отчаянно сражающиеся с тяжелой жизненной ситуацией всеми доступными им способами, чей запас жизненной прочности исчерпан? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Скорее всего истина где-то посередине.

Еще одним важным звеном этого конфликта является тетка Татьяна. О ней уже было сказано несколько слов в предыдущем параграфе. Тетка Татьяна воплощает собой народную мудрость, ее советы всегда работают — «Зуб сильно болит, — жалобно сказал он (Артем), не решаясь разуться, пройти к столу; мялся в пороге. — Всё перепробовали...

— Боль салом снимают, — скрипнула бабка Татьяна

...Действительно, постепенно боль сошла. А через час Артем и забыл о зубе. Сидел вместе с отцом и Юркой, выпивал, закусывал» [Сенчин 2009].

Главное ее оружие, то же что и у Басакиных — упорный добросовестный труд. Она осознает необходимость этого труда, и не бежит от нее, а принимает ее и делает все возможное, по мере своих скудных сил. Но и этого оказывается достаточно, чтобы долгое время выживать в одиночку, в условиях малопригодных для жизни человека. Что оказывается не под силу Елтышевым. Тетка Татьяна быстро поняла, что за люди ее новоприбывшие родственники и на все их обещания только безнадежно махала рукой, не веря ни единому слову.

Погибла она то ли самовольно, то ли с помощью Николая Михайловича, поэтому и толковать ее смерть можно двояко. Первый вариант — старые истинные ценности, увидев собственную бесполезность на новой почве, нежелание новых носителей следовать им, самовольно ретировались, уступив место новым «ценностям» (слабости, лени и безответственности). Или немного по-другому — истинные ценности были убиты слабостью, ленью и безответственностью.

Лев Данилкин в своей статье говорит о романе «Елтышевы» следующее: «Роман Сенчин с самого начала писал не то, что надо, нечто абсолютно противоположное естественной конъюнктуре: ведь знает, разумеется, что продаются истории о подъеме по социальной лестнице... мало кому приходит в голову скрупулезно, всерьез, без концептуалистского глумления описывать медленное сползание, истории самых тривиальных лузеров, неудачников» [Данилкин 2009].

О причинах, побудивших Романа Сенчина описывать историю «сползания» нам остается только догадываться, но тот факт, что истории подъемов по карьерным лестницам продаются лучше, кажется нам вполне закономерным. Дело в том, что персонажи, поднимающиеся по карьерной лестнице, должны обладать продуктивным типом мышления, той самой гибкостью, способностью эволюционировать, приспосабливаться к окружающим обстоятельствам, которая и позволяет им подниматься вверх, а не опускаться, как герои романа «Елтышевы», и нет ничего удивительного в том, что читатели хотят видеть и учиться именно у таких героев.

Таким типом мышления обладают герои повести «Осень в Задонье», и в какой-то степени им они обязаны традиционным ценностям. Они (герои «Осень в Задонье») оптимистичны, видят цель (крепкое хозяйство, обеспеченное будущее, счастливая семья и т.д.), а не препятствия на пути к ее достижению. Они постоянно действуют, предпринимают новые попытки. Елтышевы же постоянно все откладывают. То их обманут с бензопилой, то погода не подходящая, то настроение не то, то поссорятся, то расстроятся и т.д. У них постоянно находятся веские причины, почему они не могут заниматься строительством дома и почему прямо сейчас просто необходимо выпить 100 грамм водки (спирта): «Настроение после Вициного сообщения, конечно, испортилось... Захотелось просто забрести в траву на опушке бора, лечь и надолго уснуть. А проснуться другим, в другом месте, не помня прошлого...».

В этой связи вспоминается сказка про двух лягушек Леонида Пантелеева, где две лягушки прыгая по лесу попали в дом и упали в кувшин со сметаной. Одна из них, трезво оценив ситуацию, приняла решение отказаться от дальнейшей борьбы (наверное, сказав при этом про себя: «ну а что делать-то сейчас, вот что еще сейчас делать!?)» и утонула, а вторая лягушка подумала «утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдет. А лучше я еще побарахтаюсь, еще поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и выйdet», и била лапками до последнего, не видя выхода, не осознавая своим лягушачьим умом, что у сметаны есть свойство превращаться в масло, но твердо зная, что выход есть, нужно только верить в него и никогда не сдаваться и тогда обязательно случится чудо... И оно случилось! Она выпрыгнула из кувшина, оперевшись о кусок масла, взбившийся у нее под ногами.

Но новые талантливые писатели, переделали эту сказку на современный лад и теперь она звучит так – две лягушки упали в кувшин со сметаной. Одна решила сдаться и сразу утонула, а вторая сильно била лапками и утонула уставшей... а все потому, что сметана была из пальмового масла и не взбивалась.

Так какая же все-таки лягушка эти Елтышевы? Та что утонула сразу же, или они все же били лапками в полную силу, просто сметана оказалась фальсифицированной? И кто такие Басакины? Лягушка, которая выпрыгнула, или которая так же, как и Елтышевы утонула уставшей? (финал повести открыт, мы не знаем, что произошло с героями).

Вывод из всего этого можно сделать только один – фальсифицированную сметану производят ленивые лягушки, которые сами в ней первые и тонут, а, чтобы не быть ленивыми лягушками, нужно научиться хотя бы уставать прежде чем тонуть. «...сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти...» [Пантелеев 1937].

Глава 4. Произведения Б. Екимова и Р. Сенчина: между апологией и полемикой с «деревенской прозой»

4.1 «Осень в Задонье» в перспективе «деревенской прозы»

Борис Екимов – лауреат многих литературных премий. Его часто называют продолжателем творчества деревенщиков, но так ли это на самом деле сказать довольно сложно. Разные его повести дают различный материал для исследования. Некоторые его повести и рассказы, скорее полемизируют с традицией «деревенской прозы», нежели продолжают ее. В некоторых произведениях он демонстрирует изжитость традиционного устава, как например в рассказах «Холюшино подворье» или «В степи». Рассказ «Холюшино подворье» демонстрирует нам, как сохраняя верность традициям, хороший, трудолюбивый хозяин, живущий в соответствии с законами природы и религиозными заповедями, постепенно превращает свою жизнь в бессмысленное хождение по кругу: «внутри «своего» пространства хутора Холюша уже предстает «деревенским дурачком», чье бытие ограничено формальными рамками ритуала». [Ковтун 2013].

Традиционность в рассказе доведена до предела и тем самым показана ее бессмысленность в нынешних реалиях. Окружающие воспринимают старика не иначе как сумасшедшего.

Похожий вывод, хотя и с некоторыми оговорками можно сделать на основании рассказа «В степи». Там рассказчик встречает выжившего из ума бывшего работника совхоза, который копошится в руинах, пытаясь собрать разрушенную стену здания совхозного комплекса. Занимаясь своим делом, он пышет злобой, брызжет слюной от ненависти к разрушителям. Очень досадует на невозможность расстрелять их всех из пулемета. Его ненависть понятна. Сумасшедший своим поведением выражает чувства большинства простых людей. Другими словами, что у нормального на уме, у

сумасшедшего на языке. Обычные нормальные люди, конечно, тоже хотели бы восстановить совхоз, но они в отличие от сумасшедшего понимают бессмысленность этого занятия. Понимают, что прошлого не вернуть, как бы ни было горько и обидно за так бездарно разрушенную прежнюю жизнь. Понимают, что настали новые времена, вступают в силу новые правила. Прежние установки изжили себя, и прежде всего эта «изжитость» не позволит восстановить того, что было утрачено. Не понимать этого может только сумасшедший. А всем остальным остается глубоко вздохнуть, глядя на происходящее, принять его и постараться приспособиться к новым временам.

Однако, на этот рассказ можно взглянуть и с другой точки зрения. Возможно, автор хотел продемонстрировать не бессмысленность попыток возвращения к прежнему, а силу и глубину того потрясения, которое произвели разрушители былого порядка в душах людей. Возможно, этот рассказ прямое продолжение традиций Распутина и его прощания с Матерой, только направленное не на естественный крестьянский быт, как это было у Распутина, а на «светлое совхозное прошлое», которое в чем-то сходно с крестьянским бытом. Подрыв основ народной жизни привел многих к потере какого бы то ни было смысла существования, многие просто умерли, кто-то, как например герой данного рассказа сошел с ума.

Другими словами, есть вероятность того, что Екимов хотел продемонстрировать не бессмысленность попыток восстановления былого миропорядка, а масштаб зла, сотворенного теми, кто этот миропорядок разрушил. Ведь в него было вложено столько сил и столько светлых надежд было с ним связано, что возможно всем нам стоит немножко сойти с ума, пренебречь тем, что нынче принято называть здравым смыслом и рискнуть в отчаянной попытке восстановить былое, хотя бы в отношении своей частной жизни, как это сделали герои другой повести Бориса Екимова «Осень в Задонье».

Эта концепция кажется нам наиболее продуктивной для анализа повести, но и к первому варианту мы еще вернемся.

В повести «Осень в Задонье» бросаются в глаза, распространённые в «деревенской прозе» мотивы крепких семейных уз, патриархальность. Индивидуум существует исключительно в рамках семьи. В произведении нет места и не идет речь об автономном существовании личности. Твердая воля, непоколебимая нравственность безусловное стремление к благоустройству жизни. Обскурантизм свойственный писателям- «деревенщикам». Стремление к труду, к природе, к земле, приверженность православию и другим традиционным ценностям однозначно говорит в пользу того, что данная повесть ни что иное, как очередная попытка воплотить прежние идеи в условиях нового времени.

Повесть написана на современном материале. В ней описаны реалии 90х годов. И в этом, пожалуй, единственное ее отличие от классических произведений «деревенской прозы». В остальном она подчиняется всем основным канонам «неопочвеннического» течения. Рецепты Екимова по достижению гармонии и справедливости те же что и 30 лет назад.

По сути, Екимов использует ту же самую риторику, те же «формулы», что использовали «деревенщики» для борьбы с социалистическими явлениями просто подставляя в них новые «переменные».

Таким образом, повесть Екимова вполне подходит под определение «деревенской прозы». Главным ее отличием от прежних произведений «деревенщиков» является обращение к современному материалу.

Но мы знаем, что творчество Бориса Екимова можно трактовать не только как прямое следование традициям «деревенской прозы», примеры тому были приведены выше. Такое понимание его повести было бы слишком однобоким. Поэтому давайте попробуем взглянуть на эту повесть с другой стороны, рассмотреть те нюансы повести, которые противоречат традициям «деревенской прозы».

Во-первых, финал повести остается открытым, как и во многих других работах Екимова, то есть он не дает гарантии того, что честный добросовестный труд и близость героев к природе сделали свое дело. Прямых доказательств этому в тексте нет. Вполне возможно, что они деградировали и вымерли так же как Елтышевы, хотя в это и слабо верится.

Во-вторых, надежда на благоприятный исход сохраняется в конце повести во многом благодаря вмешательству в канву сюжета российской армии в лице полковника Павла. Опора на государство и армию это не характерный ход для «деревенской прозы», которая всегда осуждала вмешательство государства в дела деревни. Кроме того, это вообще малодостоверный художественный ход, больше подходящий для американского боевика чем для реалистического литературного произведения. Возможно тут имеет место некоторая самоирония автора, и тем самым он хочет сказать, что спасти деревню и ее героев в нынешних условиях может только чудо.

И последнее. Один из главных героев повести – Аникей Басакин, единственный, кто абсолютно точно сумел приспособиться к новым условиям (если не брать во внимание тот факт, что в конце повести его убивают), не так чист в морально нравственном отношении, как традиционные герои «деревенской прозы». Он «умасливает» заезжих «высоких гостей», от благосклонности которых может зависеть развитие его «бизнеса» всеми доступными ему способами: «Басакин хутор среди «своих» стал известен. Туда можно в любое время подъехать за рыбой или просто отдохнуть, погулеванить. Гостей привезти, друзей, начальство ли, «проверяльщиков» из областного центра и даже из Москвы... После таких застолий милицейские начальники из областного центра и из самой Москвы Басакину приветы слали. Дарили визитные карточки с припиской: «Прошу содействовать». С такими визитками через любой кордон хоть на танке кати. И с любым грузом – никто проверять не посмеет» [Екимов 2016].

Противоречие традициям «деревенской прозы» тут в том, что он (Аникей), чтобы выжить и поднять свое хозяйство вынужден идти на хитрость, в то время как в творчестве «деревенщиков» всегда утверждался тезис о том, что «всему голова» исключительно труд и совесть. Автор признает тот факт, что в современных условиях простым честным трудом уже ничего не добиться. Чтобы выжить, нужно уметь угождать власть имущим, проявлять гибкость и хитрость, лгать и лицемерить, прогибаться под одних и не давать спуску другим, а не только преодолевать свои слабости и безволие, честно трудиться и жить по совести, как это было в прежних произведениях «деревенщиков». Аникей вынужден применять «запрещенные приемы», чтобы закрепиться в положении «хозяина жизни» и обеспечить себе надежное существование.

Если взять во внимание обе эти точки зрения, то в целом картина выглядит так, как будто у автора есть серьезные сомнения в эффективности традиционных ценностей на новой почве, будто сам он находится в пограничном состоянии между отчаянным желанием продолжать отстаивать те ценности, на которых он сам вырос и в которые всю жизнь верил, и осознанием того, что эти ценности отжили свой век и в новых реалиях уже не так эффективны, как прежде. Его очень заботит тот неутешительный факт, что вместо чего-то нового, более эффективного и соответствующего вызовам времени, на смену старым ценностям пока что приходит лишь слабость, безволие и желание убежать от реальности.

Сергей Морозов в своей статье «Донские казаки» посвященной повести Бориса Екимова, сказал о ней следующее: «Книга Б. Екимова – это лебединая песнь уходящей советской литературы, советской культурной традиции. Она – напоминание о ее лучших сторонах и невольное указание на то, что ее эпоха завершена, что надо переходить от прошлого века отечественной прозы к чему-то новому».

Этой повестью, Екимов как будто хотел собрать во едино все самые «мощные» традиционные «рецепты правильной жизни», слегка сдобрив их парочкой «запрещенных приемов» и нанести последний отчаянный удар по скептически настроенному общественному мнению. Предпринять последнюю попытку заявить об истинности и эффективности традиционных ценностей, оставив финал повести открытым и не давая никаких прогнозов относительно результата этой попытки.

4.2. Роман «Елтышевы» и «деревенская проза»

На самом деле, к теме деградации деревни уже обращались русские писатели, еще за долго до «деревенской прозы» и тем более до Романа Сенчина. Это такие литературные классики, как А. Бунин или А. Чехов. В этой связи можно привести в пример повесть Бунина «Деревня», написанную им в 1910 году. Она явилась итогом горьких раздумий автора о судьбах России. Бунин рисует мрачную, жуткую картину вырождения деревни, приводит читателя к мысли об абсурдности существования и неспособности человека управлять своей судьбой.

Тема всеобщего неблагополучия и неустроенности, обветшалости коренных основ русской жизни пронизывает большинство произведений зрелого Чехова. В это время он обращается к изображению русской деревни в двух повестях: «Мужики» и «В овраге».

Так что Сенчин далеко не первый из русских писателей, кто обратил свое внимание на разложение основ деревенской жизни. Его роман «Елтышевы» во многом продолжает традиции вышеназванных классиков, но нас интересует связь данного романа с традициями именно «деревенской прозы»

Противоречит ли роман «Елтышевы» «деревенской прозе» или продолжает ее традиции? Взглянув на этот роман невооруженным взглядом, можно сказать – да, противоречит и очень сильно. Ответ на этот вопрос

зависит от разрешения другого вопроса: кто такие Елтышевы? Если мы делаем вывод о том, что Елтышевы – это «ленивая лягушка», то есть люди, бегущие от ответственности, не желающие трудиться и ставящие превыше всего сиюминутный комфорт, то этот роман несколькими «точками» полемизирует с «деревенской прозой». А именно тем, что в «деревенской прозе» подобные персонажи никогда не становятся главными героями. Примером такого персонажа может служить Петруха из повести Распутина «Прощание с Матерой». В «деревенской прозе» они всегда являются примерами того, «каким быть не надо», и никогда автор не встает на их сторону, не защищает их и не смотрит на мир их глазами. В романе же Сенчина, большинство населения деревни состоит именно из таких людей, и «погоду задают» уже они. В этом одно из отличий данного романа от произведений «деревенской прозы»

В остальном же, при таком взгляде на этот роман, противоречий с «деревенской прозой» нет. Вся вина лежит полностью на самих героях романа, а деревня и невыносимые условия существования оказываются как будто ни при чем. К тому же, есть в деревне и те, кто, не смотря ни на что смог обустроить свой быт, и живет хоть и в отрезе от всей остальной деревни, но не бедствует: «Меньшая часть жила в крепких, на многие поколения, избах; усадьбы таких мужиков огорожены высокими глухими заборами... Эти, из меньшей части, постоянно возились в своих оградах, держали свиней, коров, кроликов, привозили откуда-то мешки с кормами, по улицам ходили быстро, вечно спеша» [Сенчин 2009]. Их жизнь автор игнорирует, сосредотачивая все свое внимание на жизни и проблемах «второсортных» персонажей «деревенской прозы».

Кроме того, в романе есть некоторые элементы характерные для «деревенской прозы» прежних лет. Такие, как например то, что главными носителями традиционных ценностей у Сенчина, так же, как и у писателей -

«деревенщиков» являются главным образом женские персонажи: тетка Татьяна, Валентина Елтышева.

Если рассматривать другую точку зрения, когда Елтышевы – это вполне нормальные среднестатистические жители нашей родины, которые сделали все, что было в их силах, чтобы выбраться из обступившего их «болота», но «болото» оказалось сильнее, запас их душевных сил был исчерпан и они погибли под гнетом придавивших их жизненных трудностей, то здесь противоречие как будто есть, но, если вдуматься поглубже оказывается, что оно не так велико, как могло показаться с первого взгляда.

При таком взгляде на этот роман, получается, что главная беда героев, это не они сами, не их лень и неспособность корректировать свои привычки и поведение, а непреодолимые обстоятельства в виде современной деревни, которая не оставляет нормальным людям ни одного шанса на выживание. Кстати, большинство исследователей и публицистов, писавших об этом романе, придерживаются именно такого его понимания и негодуют по этому поводу, обвиняя автора в намеренном искажении «исторической правды».

Писатели-«деревенщики» утверждали в своем творчестве, что деревня – это модель общества близкая к совершенной. По их мнению, деревня культивирует в людях лучшие их качества и позволяет устроить свою жизнь и быт самым что ни на есть «правильным» образом, вблизи к природе, земле и труду. Но в этих произведениях речь шла о той деревне, которая осталась далеко в прошлом, которая погибла во времена перестройки, и «деревенщики» сами это признавали, сами «оплакивали» по меткому выражению В.П. Астафьева старую деревню. Следовательно, та деревня, которую описывает Сенчин, это уже совсем другое явление, имеющее мало общего с деревней прошлого, воспетой в творчестве «деревенщиков». Таким образом, на вопрос полемизирует ли роман Романа Сенчина «Елтышевы» с традициями «деревенской прозы», ответом будет скорее нет, чем да, потому что в романе Сенчина и творчестве «деревенщиков» речь идет о разных

персонажах, разных временах и социальных явлениях. А сравнивать между собой отношение разных авторов к разным общественным явлениям крайне сложно, и, наверное, не совсем правильно, так же, как и нельзя сказать точно полемизируют ли эти мнения между собой.

Заключение

В данной работе мы рассматривали особенности репрезентации современной деревни в произведениях Бориса Екимова и Романа Сенчина в двойной перспективе: 1) сопоставляя их тексты между собой, 2) сравнивая их с классическими образцами литературы о деревне – «деревенской прозы».

В результате проведенного анализа можно сказать, что Борис Екимов, описывая современную деревню, по-прежнему не теряет веры в «традиционные ценности», хотя и в его произведениях (прежде всего, пожалуй, в коротком рассказе «В степи») уже заметны некоторые сомнения в их эффективности в современной ситуации. «Старые формулы с новыми переменными» работают на страницах повести с «пробуксовкой», поэтому Екимов делает скидку на особенности нынешнего времени, позволяя своим героям некоторые вольности, которые в традиционной прозе считались непростительными. Кроме того, прибегает к некоторым полуфантастическим элементам, для того чтобы придать сил этим лекалам «деревенской прозы» и позволить им в очередной раз сработать – если не в жизни, то хотя бы на страницах повести «Осень в Задонье».

Взгляд Романа Сенчина на современную деревню, с нашей точки зрения, представляет собой то, что могло получиться у Екимова, если бы он окончательно отказался от решающей роли традиционных ценностей в жизни человека. Екимов, как и Сенчин, считает, что на смену традиционным ценностям (составлявшим аксиологический арсенал «деревенской прозы») пока ничего не пришло. Но, в отличие от своего более молодого коллеги, Екимов (по возрасту – ровесник младших «неопочвенников», родившийся на год позже Распутина) по-прежнему верит в сами эти ценности. Они оба находятся на одном и том же пути, но в разных его точках.

В романе Сенчина деревня представляет собой некий промежуточный этап, когда одно культурное течение уже полностью отмерло, а другое еще не пришло ему на смену. Традиционные ценности, олицетворяемые теткой

Татьяной, исчезли; место Татьяны теперь занимают Елтышевы, воплощающие собой аксиологическую и идеологическую пустоту. В результате получается нечто отдаленно напоминающее декаданс начала XX века. В романе актуализируются те же темы: бессмысленность жизни, абсурдность существования, отсутствие желания жить, тема самоубийства и т. д. Обратимся к роману: «Елтышев слушал рассказы об убийствах и самоубийстве, наблюдал, как полыхает клуб на той стороне улицы, почти равнодушно. Конечно, во время пожара опасался за свой домишко, а погибших молодых еще людей не жалел. Бессмысленно и глупо текла их жизнь, глупыми были их страсти и любви, глупой оказалась и гибель. Да и в своей жизни, в жизни своей семьи тоже все сильнее ощущал он эту бессмысленность и напрасность. Конечно, было что-то, наклеивались вроде удачи, возникали просветы, но тьма постепенно и настойчиво сгущалась все плотнее. Надежда сменялась злобой и тоской. Почти уже беспрерывными... Катилась жизнь под откос стремительно и неостановимо. И лишь огрубение души, какой-то, пусть слабенький, но панцирь на ней не давал совсем отчаяться, свалиться и умереть. Да, может, и хорошо бы вот так умереть, как древние греки или былинные русские богатыри, но не получалось. Приходилось мучиться дальше и дальше, и неизвестно зачем» [Сенчин 2009].

По большому счету, Борис Екимов и Роман Сенчин описывают в своих произведениях «две стороны одной медали», смотрят на одно и то же явление глазами двух разных типов героев и этим обусловлено кардинальное отличие в их описаниях деревни.

Список использованной литературы

1. Артемьев М. Новый Грех Сенчина? // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 279–280.
2. Бавин С. Творчество А. П. Чехова в панораме мнений. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rsl.ru/ru/s3/s331/s122/s1224693/s12246934694/> (Дата обращения: 15.03.17).
3. Бараков В. От «деревенской прозы» к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://parus.ruspole.info/node/5901> (Дата обращения: 15.03.17).
4. Басинский П. Биография В.И. Белова. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://14.mioo.ru/mod/glossary/view.php?id=4911051&mode=author&hook=%D0%A6&sortkey=FIRSTNAME&sortorder=desc> (Дата обращения 15.05.17)
5. Басинский П. Натурализм жив // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 495–496.
6. Беляков С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 387–388.
7. Быков Д. Телегия: русское почвенничество как антикультурный проект. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://modernproblems.org.ru/memo/290-dmitrybykov.html?start=13> (Дата обращения: 15.03.17).
8. Винников В. Sos-реализм // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 371–372

9. Великанова. И. Конфликт и сюжет в повестях Б. П. Екимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8, Литературоведение. Журналистика. 2013. Вып. 12. С. 147–153.
10. Великанова И. Автор и герой в прозе Б. Екимова. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-i-geroy-v-proze-b-ekimova> (Дата обращения: 05.06.17).
11. Великанова И.В. Идеино-эстетические функции и поэтика пейзажа в прозе Б. Екимова, 2006. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideyno-esteticheskie-funktsii-i-poetika-peyzazha-v-proze-b-ekimova> (Дата обращения: 05.06.17).
12. Волков А. Проза Ивана Бунина. М.: Московский рабочий, 1969. 448 с.
13. Дашевский Г. Сонная проза. // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 301–302.
14. Данилкин Л. Роман, который следовало бы включить в школьную программу // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 287–288.
15. Дмитриев А. Крестьянин и тинейджер. М.: Время. 2013. 320 с.
16. Екимов. Б. Осень в Задонье. М.: Никая, 2016. 400 с.
17. Екимов Б. В степи // Екимов Б. Пиночет: Повести. М.: Вагриус, 2000. С. 275–281.
18. Екимов Б. Пиночет. Электронный ресурс. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/4/ekimo.html (Дата обращения: 05.06.17).
19. Екимов Б. Холюшино подворье. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/holyushino-podvore-read-117519-14.html> (Дата обращения 05.06.17).
20. Иванова И. Деревенская проза в современной отечественной литературе: Конец мифа или перезагрузка? // Филологические науки. Вопросы теории и практики» Тамбов. 2013. № 6(24). Ч. 1. С. 88–94

21. Журов А. В объятых липких паутин // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 289–291.
22. Журов А. Консерватизм невозможен. Электронный ресурс.
Режим доступа: <http://novymirjournal.ru/index.php/blogs/entry/konservativizm-nevozmozhen> (Дата обращения: 05.06.17).
23. Кириллов И. Похвала бедности // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 293–294.
24. Ковтун Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика. Красноярск: Изд-во СФУ, 2013. 350 с.
25. Ковтун Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
26. Ковтун Н.В. Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI веков // Сибирский филологический журнал. № 1. 2013. С. 77–87.
27. Ковтун Н.В. Идиллический человек на перекрестках истории: по произведениям А. Солженицына, В. Распутина, Б. Екимова, Л. Петрушевской. Образ идиллического патриархального мира и человека. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nauka.x-pdf.ru/17istoriya/312280-1-nv-kovtun-idillicheskiy-chelovek-perekrestkah-istorii-proizvedeniyam-solzhenicina-rasputina-ekimova-petrushevskoy-obraz.php> (Дата обращения: 21.05.17).
28. Кожевникова С. Творчество Б. Екимова: динамика деревенской прозы последней трети XX века. Магнитогорск. 2002. 209 с.
29. Кибиров Т. Лада, или Радость: хроника верной и счастливой любви. Роман. М.: Время, 2010. 196 с.
30. Кувалдин Ю. Рождение писателя. О творчестве Сергея Михайлина-Плавского. Электронный ресурс. Режим доступа:

- <http://kuvaldinur.narod.ru/kuvaldin-ru/esse/kuvaldin-mihaylin-pl.htm> (Дата обращения 13.04.17)
31. Кучерская М. Новый соцпессимизм // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 296–297.
32. Лейдерман Н. Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений: В 2т. Т. 2: 1968-1990. М.: Академия, 2003. 668 с.
33. Маркова Д. В отсутствие неба над головой // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 351–352.
34. Молданов Е. Злокачественная биопсия семьи Елтышевых // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 303–305.
35. Морозов С. Донские казаки // Литературная Россия. 2015. № 6. С. 16
36. Москвина Т. В. Позор и чистота: народная драма в тридцати главах. М.: АСТ; Астрель, 2010. 285 с.
37. Огрызко В. Неизбежный бунт // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 306–307.
38. Пантелеев Л. Две лягушки. Электронный ресурс. Режим доступа: http://olga29011.narod.ru/Skazkoterap_dve_Lagushki_Panteleev.html (Дата обращения: 05.06.17).
39. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / Пер. с англ. И.М. Чеканниковой и Е.С. Кирилловой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 203 с.
40. Пирогов Л. Мертвые души и доктор Сенчин. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/N45--6249---2009-11-11-/Mërtvyye-dushi-i-doktor-Senchin10732> (Дата обращения: 21.03.17).

41. Пустовая В. Иск маленькому человеку // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 312–313.
42. Разуvalова А.И. Писатели- «деревенщики». Литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 582 с.
43. Распутин В.Г. Прощание с Матерой. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lib.ru/PROZA/RASPUTIN/matera.txt> (Дата обращения 01.06.17).
44. Роднянская И. Род Атридов // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 344–347.
45. Рудалев А., Беляков С. Греческая трагедия «поколения нулевых» // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 355–359.
46. Сенчин Р. Елтышевы. М.: Эксмо, 2009. 320 с.
47. Серов Ю. Плакать не надо – Нужно жить. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://old.litrossia.ru/2011/02-03/05894.html> (Дата обращения: 05.06.17).
48. Славникова О. Деревенская проза ледникового периода. Электронный ресурс. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/1999/2/rec.html (Дата обращения: 21.05.17).
49. Сычева Л. Спокойная жизнь. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20111018072730/http://www.litrossia.ru/2008/17/02763.html> (Дата обращения: 05.06.17).
50. Татаринов А. В диалоге со смертью // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 360–364.
51. Топоров В. Роман № 3 // Все о Сенчине. В лабиринте критики / Составитель В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 310–311.

52. Цветов Г. Русская деревенская проза: эволюция: жанры: герои. СПб.: С.-Петербур. гос. ун-т., 1992. 92 с.